

18+

Юлия Донская

РАССКАЗЫ

ПРОСЕБЯТИНА

Юлия Донская

Рассказы. ПРОСЕБЯТИНА

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57109436

ISBN 9785005114549

Аннотация

Если бы я только могла не издавать, а тем более не писать эту книгу – я бы именно так и поступила. Но она вдруг родилась у меня – такая нежная, трогательная, отчаянно смелая. Что мне было делать? TRUE STORY – что бы это ни значило...

Содержание

Расскажи о себе...	5
Самолёты	9
Собака	26
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Рассказы ПРОСЕБЯТИНА

Юлия Донская

© Юлия Донская, 2020

ISBN 978-5-0051-1454-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Расскажи о себе...

Ты говоришь, расскажи мне историю о себе. Надо подумать, прежде чем начать. А что я могу рассказать о себе?

Если уж рассказывать историю, то нужно непременно удивить. И не просто удивить, а чтобы в самое сердце.

Я лично всегда влюбляюсь во всех, кто меня удивил. Иначе для чего рассказывать?

Вот один парень, к примеру, мне рассказывал, как он проходил обучение подводному плаванию где-то, допустим, в Дублине. И там была какая-то заброшенная шахта, залитая водой. В ней жили два огромных ручных осьминога. И один из них в шутку схватил этого парня. Ему стало очень страшно, потому что осьминог огромный, и может легко раздавить человека! Вот это история! Я сразу влюбилась.

Или вот другой рассказывал, что работал снайпером в Чечне. Очень подробно мне объяснял, как надо целиться, как надо лежать около камня и не двигаться, когда ведут обстрел местности. Причём лежать нужно впереди камня, потому что за камень обязательно кинут гранату... В общем как-то так. Я, конечно, тоже сразу влюбилась.

Или ещё один мне говорил, как он вдруг прозрел и разрешил своим дочерям больше никогда не ходить в школу!

В общем, для рассказа о себе нужно непременно что-то героическое или смешное...

А мне и рассказать-то нечего. Я вот только и умею, что влюбляться в каких-то странных людей.

Можно даже сказать, что это моё достоинство, сильное качество. Я могу разглядеть в человеке героя!

Ему нужно просто не очень сильно мне мешать.

Так что же тебе рассказать? Надо подумать... Все истории какие-то неподходящие.

Мне однажды приснился Гагарин!

Или вот! Вспомнила!

Однажды, я уехала на машине в другой город к родственникам и у них ночевала. Там мне приснился закрытый лакированный гроб. Чей-то голос спросил меня: «Хотите посмотреть – кто там?» Я ответила: «Да.» Гроб открылся, в нём я увидела незнакомого молодого парня. Тёмненький такой. Во сне я страшно закричала и от собственного крика проснулась. Утром забыла сон. Днём звонила мама, говорила, что переживает за меня и брата, мол, даже свечку вчера за нас поставила, за меня и за Артёма.

Вечером, на обратной дороге вдруг прямо передо мной машина пересекает трассу. Я, как и во сне, страшно кричу, жму на тормоза, успела нажать, потому влетела не в водительскую дверь, а в пустую пассажирскую. И парень – водитель остался жив, тёмненький такой.

– Тебя как зовут-то, – немного отходя от ужаса спрашиваю я.

– Артём.

– Ох, Артём, ты уж береги себя, пожалуйста.

Такая история... Нет, такое нельзя рассказывать.

На эту тему вспомнила другую историю. Я была беременна и ложилась спать. Вдруг слышу голос в своей голове, но не мой.

– Встань! – говорит, – иди на кухню! Вымой тарелки!

Думаю, что за бред? Тарелки? Я так устала. Только из монастыря вернулась, ночь уже, завтра помою. А он снова:

– Встань! – говорит, – или потеряешь ребёнка.

Глупость какая-то, я не встала, через три дня на УЗИ сказали, что плод замер. Меня увезли в больницу. Этот строгий голос ещё какое-то время был со мной, но стал мягче, а потом и вовсе утих...

Нет, такое нельзя рассказывать.

Вот хорошая история! Я сидела дома, не пошла на работу. Увидела в окно священника и очень разволновалась, как будто он идёт ко мне. Обязательно ко мне.

Слежу за ним, и, правда, он поворачивает к моему дому, идёт к моему подъезду. Я выбегаю к лифту. Непременно он должен приехать на мой этаж. Жду. Двери лифта открываются.

– Здравствуйте, – говорю, – я вас ждала.

– Вы хотите освятить квартиру?

– Да.

– Это вы мне звонили?

– Нет.

– Тогда я приеду к вам завтра.

– Ладно.

Ох, с историями у меня очень сложно... Я не знаю, что тебе рассказать. Спроси меня, что тебе интересно?

– Какой у тебя рост и вес?

– Пошёл ты на х*й!

Самолёты

Мне было около пятнадцати, когда я случайно стала свидетелем репетиции школьной театральной студии. Ничего особенного там не происходило, и я, наверняка, давно бы это забыла, если бы не одна фраза, отпечаток которой стал тайным знаком моей души и остается им до сих пор, спустя двадцать пять лет.

Так вот, я наблюдала за репетицией:

– Изобрази удивление, – говорил кому-то учитель, – теперь гнев... Хорошо!

– Настя, ты, – продолжал он обращаясь к моей однокласснице, – изобрази удивление. Хорошо! Теперь сделай такое выражение лица, как будто ты видишь, что вдалеке падает самолёт.

Я плохо помню её гримасу, какой-то открытый рот, ладони к щекам, глаза вытаращены, суть не в этом. Во мне застряла фраза: «Представь, что ты видишь, как падает самолёт».

И я представила.

Но то ли с воображением у меня было всё в порядке, то ли я была слишком впечатлительной, или же моё бессознатель-

ное наконец-то нашло нужный символ – но так или иначе этой ночью я впервые увидела падающий самолет во сне.

Сон простой: солнечный день, я гуляю недалеко от своего тогдашнего дома, медленно иду по безлюдной улице, поднимаю голову и вижу падающий самолёт. Он летит в сторону Красногорска, стремительно теряет высоту и, кажется, горит.

Это выглядит и страшно, и захватывающе торжественно, и даже некстати смешно.

Я думаю: «Этого не может быть», но все кажется убедительным и настоящим – улица, небо и приближающийся горящий самолёт.

К своему ужасу, я делаю вывод: «Это реально», — и просыпаюсь.

Вот интересно, что бы сказал тот театральный наставник, если бы увидел выражение моего лица во сне. Видимо, своё традиционное: «Хорошо».

А, может быть, он сказал бы, что такие торжественно-обреченные лица бывают только у невест, когда их спрашивают: «Согласна ли ты и в горе и в радости...», а невесты поднимают глаза к небу и думают: «Не может быть! Вы серьезно? Это даже смешно!» и отвечают: «Согласна».

В общем, неизвестно и даже неважно, кто и что сказал бы,

видя моё лицо во сне, и, наверняка, я могла бы благополучно забыть об этом, но с тех самых пор мне начали сниться падающие самолёты.

Они падали то каждый месяц, то раз в полгода, падали то весной, то осенью, но чаще летом, падали в разных местах, но чаще в знакомых, только сюжет неизменно повторялся: я вижу, как падает самолёт, и просыпаюсь до того, как он касается земли.

Я пыталась разгадать тайну этих снов. Значит ли это буквально, что мне нельзя совершать авиаперелеты? Кажется, нет.

Но для чего эти сны? Они похожи на предупреждение, но о чём именно?

Я не нашла ответ, не перестала летать на самолётах, а к снам потихоньку привыкла.

Прошло пять лет. Все так же регулярно падали и горели самолеты, все так же обреченно и весело я на них смотрела, но к этим снам добавились новые, тоже повторяющиеся сны. Их частота была гораздо интенсивнее, примерно через день.

Сюжет сна – вариации на тему: «Я летаю на паратране и счастлива».

Изредка я парю одна, но в основном это тандем с парнем из института, назовём его Тимур. В обычной жизни он мне совсем не нравился, какой-то невзрачный, но во сне у нас бурный роман.

Надо заметить, что он летал на парапланах не только в моих снах, но и в реальности. Время от времени я слышала, как он довольно занудно рассказывает об этом кому-нибудь на перемене, а ночью мы снова летали, и это было прекрасно.

Так продолжалось несколько месяцев: ночью мы вместе, а утром мне доставался только рассеянный взгляд, скользкий мимо меня... Это было неприятно. Сны начинали меня раздражать, затем превратились в настоящую пытку. Пусть бы не было совсем этих счастливых снов, лишь бы не видеть по утрам его равнодушный взгляд, который становился таким убийственным лишь вследствие контраста с ночными влюбленными полётами.

Меня мучил только один вопрос: когда это закончится? Ответа, как обычно, не было, поэтому я приняла решение сделать всё что угодно, лишь бы прекратить затянувшуюся двойную жизнь, избавиться от этих снов. Рискнула: а не решить ли проблему, как в сказке, ведь как ещё можно повлиять на сны?

Моя логика, соответственно, была сказочно проста: если он меня поцелует, то я наконец проснусь, следовательно, когда я очнусь от сна, то пропадут и мои ночные видения,

жизнь станет однозначной и, значит, мне сразу станет легче.

– Тимур, у меня к тебе срочное дело.

– У тебя ко мне? Дело?

– Именно. Нужна твоя помощь.

– По физике, что ли? С лабораторными?

– Да... в каком-то смысле... Мне нужно, чтобы ты меня поцеловал, а потом я тебе все объясню.

– Ты в порядке?

– Если бы я была в порядке, я бы тут не стояла, понимаешь? Очень нужно... Спасибо.

Так закончились мои сны про парaplаны и остались только изредка горящие самолёты.

А мы с Тимуром стали встречаться. Оказалось, что сам он с большим интересом относится к снам и практикует осознанные сновидения.

– А что это вообще такое? – пыталась я понять, – и как это делается?

– Осознанные сновидения – это что-то типа осязаемой фантазии. Нужно во сне понять, что ты спишь, а после создавать всё, что пожелаешь!

– И как понять, что ты спишь?

– Это как раз самое сложное, – объяснял мне Тимур, – поэтому тебе нужен какой-то знак, подсказка, повторяющийся элемент, чтобы ты догадалась.

– У меня есть падающие самолеты! – обрадовалась я.

– Отлично, попробуй это, – согласился Тимур.

– Ладно, – ответила я, потом села в автобус и поехала домой.

По дороге обдумываю эту идею и гляжу в окно, там как раз летит самолёт, надо начать тренировку. Для этого нужно каждый раз, когда видишь самолёт в реальности – предполагать, что это сон. Отлично! Допустим, что это сон. Вдруг самолёт и вправду начинает падать. Какого черта?

Это не пассажирский самолёт, как раньше, а маленький самолётик, который обычно сбрасывает парашютистов над Тушинским аэродромом. Он падает. Ужас! Не может быть! Это реально, – думаю я и просыпаюсь.

– Тимур, ну как же так? Что я должна была сделать, ущипнуть себя?

– Нет, это не работает. Надо подпрыгнуть – если это сон, то ты слегка взлетишь.

Позже мне удалось проверить метод подпрыгивания, и он, действительно, работает, но я ни разу не смогла его применить в снах про самолеты. Никогда.

Напротив, каждый раз я просыпалась с мыслью – это реально! Видимо, тогда это был единственный доступный мне ответ. Горящий самолёт продолжает падать – это реально, что бы это ни значило!

С Тимуром мы вскоре расстались, о чём я впоследствии жалела, но по-другому в то время я просто не могла. Почему мы расстались? Объяснить трудно: он меня любил, ни в чём мне не отказывал, может быть, как раз поэтому?

Всё было слишком спокойно, по-семейному, даже местами нудно, а мне всегда больше нравились встряски, чуть больше драматизма, чтобы было нескучно. Одним словом, мне понравился другой – некто Юрий.

Юрий оставил неизгладимый след в моей жизни в буквальном смысле этого слова – шрам.

Однажды мы запускали с балкона фейерверк. (Идиоты, конечно, да что уж теперь...)

Точнее эта штука называлась «Факел красного огня»: она не выстреливала, а лишь ярко горела, как хвост взлетающей ракеты.

Я взяла в руку факел, Юра сказал: «Ты неправильно держишь», – затем по ошибке переложил факел другой стороной в мою руку, так, что теперь я держала именно в том месте, где должен загораться огонь. Он крепко сжал мою руку и сорвал петлю.

Такие факелы, как позже я узнала, предназначены для по-

дачи световых сигналов бедствия в тёмное время суток, так что, можно сказать, мы использовали его прямо по назначению. А ещё ими можно разжигать даже очень сырые дрова, потому что, цитируя речь врача ожогового отделения больницы имени Склифосовского:

– Температура горения такого факела составляет около 2000 градусов по Цельсию, – именно этой информацией любезно поделился со мной доктор, аккуратно отрезая вьёвшившиеся в мою кожу куски сторевшей куртки.

– А какова температура горения ракетного топлива? – могла бы я спросить при других обстоятельствах, чтобы понять насколько близко или далеко находилась от старта, но, конечно, я ничего такого не спрашивала. У меня вообще в голове пульсировало только одно слово: «Больно!»

Лишь через несколько дней ко мне вернулась некоторая способность мыслить и, когда я смотрела на свою забинтованную руку, меня мучили два вопроса:

Первый – сохранится ли на моей ладони линия жизни или же я навсегда останусь для хиромантов человеком без прошлого и без будущего?

И второй – что хорошего я нашла в этом парне?

Может, имя?

Прошло ещё лет семь. Жизнь несколько раз кардинально поменялась, а самолеты, хоть и очень редко, но все же падали.

Один незначительный случай пролил свет на все мои авиакатастрофы, и я наконец-то смогла сделать хоть какие-то выводы.

Я планировала встретиться с новым знакомым – кажется, мы собирались пойти в кино. Он должен был зайти за мной и зашёл, но в его планах, судя по всему, кино не значилось.

Он спросил разрешения перед дорогой зайти в туалет – я разрешила. Потом изъявил желание посмотреть планировку квартиры – я согласилась, хотя мне уже было как-то не по себе.

Сам факт, что он находился в моем доме, был очень неприятен, но почему-то я – временами такая решительная – совершенно не могла ничего поделать и даже не могла толком понять, что происходит:

то ли всё в порядке, и мы мило болтаем и пьем чай, то ли здесь происходит начало чего-то страшного, и нужно немедленно это прекратить. Но как это прекратить? И что собственно происходило? – я никак не могла понять и находилась в каком-то странном оцепенении. Казалось, что это ни-

когда не закончится, мой собеседник без перерыва рассказывал довольно мерзкие истории одна другой гаже, а меня всё затягивало и затягивало ощущение какой-то обреченности и невозможности вымолвить ни слова.

Вдруг в монотонном ритме рассказа я различила слова:

– Мы могли бы с тобой поехать ко мне на дачу, у меня на даче, – говорил он, – очень красиво, там в коридоре прямо на полу, в паркет вмонтированы точечные светильники и ночью кажется, что это взлетно-посадочная полоса.

И тут я вспомнила!

– Сон! Мне сегодня приснился сон, – перебила его я.

– Да? И какой же?

– Мне приснилось, что в мой дом врезался самолёт, прямо в мой балкон влетел, прямо вот сюда, в это окно! – сказала я и похолодела.

Стало так страшно. Так страшно, как будто в эту секунду я всё поняла, как будто я догадалась во сне, что я сплю и дальше может случиться всё что угодно. Он может убить меня, я могу убить его, мир может разлететься на части и исчезнуть.

Я переживала одновременно и ужас, и ярость, потому что наконец-то поняла! Вот, что значат эти сны!

Я и есть самолёт! Горящий самолёт за секунду до взрыва!

Парень смотрел на меня испуганно и инстинктивно отодвигался назад.

Вот оно, лицо очевидца катастрофы! Мой привет театральному наставнику!

Ситуацию разрешил телефонный звонок. Ему позвонила мама и позвала его домой кушать. Как мило!

И он, резко перестав быть предполагаемым захватчиком моего дома, а также участником возможной катастрофы, стал послушным мальчиком, спешно собрался и сказал мне, что сейчас он быстренько покушает и сразу вернётся, а я в свою очередь тоже очень вежливо ответила: «Хорошо», – и навсегда закрыла за ним дверь.

Когда он ушёл, я села на диван: «Что это было? – думала я. – Как это произошло? Почему я оказалась такой одурманенной и безмолвной? Я – самолёт, я на краю гибели – это, кажется, ясно. Но кто за штурвалом? Что с пилотом? Он не справился с управлением? Он пьян? Он сошёл с ума?» – судорожно размышляла я.

«Надо это понять или я погибну. В чем же тут дело?

Мой прерванный полёт как-то связан с мужчинами. Значит, я погибну от мужчин...

Я что-то делаю не так. Я теряю высоту? Я не берегу самолёт? Во сне он взорвался...

«Покатались колеса, мосты...
И сердца.
Или что у них есть ещё там?»

Так у Высоцкого было? Нет, это было про машины, не подходит. Мне нужно что-то пилотов. Надо понять, что я делаю не так, почему я взрываюсь?

Потому...

Потому что...

«... мы пилоты!

Небо наш, небо наш родимый дом.

Первым делом, первым делом самолеты!

Ну, а девушки? – А девушки потом!»

Ну, конечно! У меня нарушена иерархия ценностей!!!
На первом месте должны быть самолёты! Небо – мой дом!
Парни – потом!

А через месяц мне снова приснился самолет, но он не упал.

Огромный самолёт летит очень низко над землей вдоль

широкой реки, его крылья едва не задевают верхушки деревьев, растущих по обоим берегам.

Я смотрю на самолёт откуда-то сверху. Он, действительно, просто огромный, такую громадину на полянке не посадишь, от его гула дрожат деревья, этот низкий звук заполняет все окрестности, гудит в каждом листе.

Проснувшись, я не столько обрадовалась, сколько задумалась, я больше не горю и не падаю, но я лечу слишком низко, значит ли это, что опасность все ещё близка?

Я так не хочу умирать, не хочу раньше времени встретить свой Киржач. Хочу познать радость полёта, творческого полёта. А встречи – потом?

Я спросила, и сны стали мне отвечать. Сначала мне приснился Юрий! Юрий Гагарин. Он в отличие от моего знакомого Юрия – не поджигал мне ни рук, ни крыльев, и сам не был сожжен, напротив:

В моём сне, оказалось, что он чудом выжил после своего Киржача, но хранил все эти годы своё спасение в тайне, находясь в тени и скрываясь от репортёров.

– Теперь я готов, наконец, «ожить»! Так и напишите, – сказал он мне, журналистке, берущей у него интервью.

Так и пишу, Юрий Алексеевич!

Добавлю, что наша встреча проходила в его московской квартире, в высотке на Воробьевых горах с отличным видом на Москва-реку.

Юрий Алексеевич хоть и постарел, но выглядел прекрасно.

Последний или, как говорят пилоты, крайний сон из са-
молётного цикла мне приснился вчера:

Театр в летнем парке, я нахожусь за кулисами, кажется, я актриса. Не знаю, что у меня за роль, но на мне умеренно-пышное золотое платье, на голове тоже что-то золотое, как кольцо наподобие мягкого ободка.

Скоро мой выход, однако вместо меня на сцену выходит другая актриса. Это молодая девушка с испуганно-печальным взглядом, она выглядит уставшей. Волосы её немного растрёпаны. Уверена, что она уже не раз играла эту роль и знает её лучше, чем я, поэтому я совсем не против того, что именно она стоит на сцене. Я смотрю на неё из-за кулис.

Здесь за кулисами уютно, мне видно и сцену с растрёпанной девушкой, и скрытое от посторонних глаз нутро театра.

Рядом со мной стоит мужчина, возможно он тоже ак-

тёр, а, может быть, он режиссёр театра, не знаю, понятно одно, он имеет отношение и к театру, и ко мне. Он мой друг.

Ничего не происходит, я смотрю то на девушку, то на мужчину, потом поднимаю голову и вижу ясное небо, и там в небе, где-то высоко-высоко спокойно и безмятежно летит самолёт.

Я улыбаюсь...

Конец сна.

Когда-то давно мне от репетиций театрального кружка досталась сновидческая роль девушки, наблюдающей падения самолётов.

Теперь я могу видеть эту девушку со стороны, она пережила достаточно катастроф, но это больше не я.

И для того, чтобы мне теперешней видеть ясное небо, я должна знать, что где-то есть она, девушка с растрепанными волосами и ужасом, навсегда застывшим в её глазах. Отныне она мой страж – та, кто не даст мне забыть полученные уроки, а я – её тайный союзник в золотом, та, кто всегда ждёт её за кулисами.

А ещё у меня появился друг – режиссер, театральный наставник. Он не мой любовник, но он мой мужчина, в том смысле, что он за меня, за моё дело, за моё творчество, потому что первым делом – самолёты, потому что мне нужно время, потому что я обещала написать про Гагарина и его

чудесное спасение, потому что теперь я могу летать высоко и смело, ведь я тоже выжила.

В реальной жизни роль такого театрального учителя для меня сыграл мой друг и наставник по письму, человек, который уже много лет помогает мне реализовывать мои творческие проекты, а также учит меня писать тексты. Его зовут как одного из Архангелов и для меня он стал человеком, который помог мне расправить крылья и пережить радость творческого полёта.

После прочтения этого рассказа он мне сказал:

– Хорошо! Но вот концовку нужно поправить, нужно добавить что-то про свадьбу, вы согласны?

– Не может быть! Вы серьезно? Это даже смешно!

– Ну, вы автор – вам и решать. Но вот, скажем, про невесту вы не досказали, где у вас это было: и в горе и в радости... Вы не согласны со мной?

– И в горе и в радости? С вами? Согласна!

– Вот вечно вы шутите, что мне с вами делать?

– А вы шутите вместе со мной!

– Ладно, в таком случае, торжественно объявляю вас... точнее ваш рассказ – состоявшимся!

– Спасибо, вы очень ко мне добры, а для меня сейчас это самое главное.

– Опять смеётесь?

– Улыбаюсь.

Конец рассказа.

Собака

Берта – рыжий ирландский сеттер, девочка, с длинными мохнатыми ушами, моя любовь, моё второе я.

Наша история началась с маминых слов:

– Давайте возьмем собаку?

Моя мама ветврач, в их клинику недавно привезли собаку с тяжелой судьбой. Целый год, а значит все своё детство, она провела в семье алкоголиков, недоедая и вынося побои. Потом соседи вмешались в судьбу несчастного животного и передали собаку ветеринарной клинике. Там она прожила пару недель, а потом мы взяли её себе.

В первый же вечер мы с Бертой пошли гулять. Ничего особенного, приятная вечерняя прогулка.

Вернулись домой. Мама сделала ей ужин и поставила миску с кашей и мясом на пол. Берта учуяла мясо – и тут у неё случился первый приступ. Она буквально озверела, оскалилась, повернулась спиной к миске и стала на нас рычать, выгоняя из кухни. Мы покорно вышли, но она так и не могла начать есть, всё стояла и охраняла свою добычу.

Минут через десять рычание утихло, и послышалось равномерное чавканье, потом Берта спокойно вышла из кухни

и тихо легла на своё новое место, свернувшись калачиком.
Жалко было её.

Каждый вечер мы с Бертой гуляли: иногда час, иногда два, иногда три. Где мы с ней только не были!

Весь доступный нам окружающий пеший мир – мы обошли, изучили, полюбили.

Берта стала моим самым близким товарищем. Моя охотничья собака – рыжая, быстрая, тощая и слегка безумная.

На вид она была очень милая и дружелюбная, как впрочем и я, но, в отличие от меня, Берта терпеть не могла многих вещей и не терпела ничего из того, что ей не нравилось.

Например, она не любила мужчин.

Но, почему-то именно мужчины часто хотели её погладить. Они говорили:

– Какая у вас милая собачка.

А я отвечала:

– Спасибо.

А они продолжали:

– Можно её погладить?

А я говорила:

– Нет, погладить её нельзя.

А они настаивали:

– Но меня собачки любят.

А я убеждала:

– Не лезьте, хуже будет.

А они умилялись:

– Какая хорошенькая.

А я просила:

– Не трогайте.

А они распускали руки:

– Какая она гладкая... Ааааа!!! Сука! Она мне руку прокусила...

А я их успокаивала:

– Вы не волнуйтесь, у неё все прививочки есть.

Со временем я научилась убеждать мужчин: после просьбы погладить, я сразу сообщала о прививках, это работало.

Берта не одобряла парней, с которыми я встречалась. Она не воспринимала их всерьёз – вы тут ненадолго, – словно говорил её равнодушный взгляд.

Только один мой парень нравился Берте – Костя. Он всегда был ей рад, никогда не пытался её воспитывать, как пробовали некоторые другие – о чём впоследствии сильно жалели. Даже я сама пожалела один раз, когда хотела сделать из Берты приличного человека.

Дело в том, что моя собака очень любила помойки, а я не очень одобряла это её пристрастие. Каждый раз так трудно было её оттуда забрать и очень стыдно находиться рядом, пока она там рылась.

– Берта, ну хватит, пойдем, – звала я.

Ноль эмоций.

– Что ж вы собаку совсем не кормите? – обычно спрашивала какая-нибудь бабулька.

– Кормим.

– А чего же она у вас такая тощая?

Возразить мне было нечего, Берта была и вправду тощая, сколько её ни корми. Вместо ответа я пыталась поймать, пристегнуть её и утащить от помойки. Метров через пятьдесят собака приходила в себя, я её отпускала, и мы спокойно шли дальше.

Один раз я решила её проучить. Берта нашла на улице кость, а для неё это святое.

– Брось! – строго сказала я.

Ноль эмоций.

– Брось, я сказала!

А потом... Зачем я к ней полезла? Хотела спасти её от осколков костей? Хотела показать кто тут главный?

В общем, я разжала её пасть и достала из глотки оставшиеся куски, а она в ответ – прокусила мне руку, в том числе палец, и судорожно успела схватить выпавшие из пасти куски кости. Мне было больно и обидно.

Покусанная, в крови и слезах – я вернулась домой. Мама очень разозлилась – она долго объясняла Берте, что её детей

кусать нельзя. Красиво объясняла, эмоционально, приводила какие-то доводы, и много раз у неё спрашивала:

– Ты поняла меня?

Но Берта была в тот вечер не разговорчива и всё больше молчала, потупив взор.

Мне было жалко её и себя, было приятно, что за меня так серьёзно вступилась мама, и к концу их диалога, я уже, конечно, простила Берту. Но тут пришёл папа...

Папа у меня, чтобы вы понимали: «Во!» – так Малыш объяснял Карлсону особенность характера своего папы, показывая при этом крепко сжатый кулак. Но надо заметить, что у Малыша папа – просто тряпка по сравнению с моим. Если бы я когда-нибудь разбила люстру – у меня даже не хватает фантазии представить, что бы со мною было. Это при том, что многие люди считают меня фантазёркой.

В общем, домой пришёл папа...

Мой папа, чтобы вы понимали, он такой человек, которого непременно все должны слушаться. Например, как-то раз они с Бертой пошли в магазин. Он её спокойно зовёт:

– Берта, иди сюда!

Она не слушается.

Тогда он строго на неё смотрит и говорит:

– Ко мне! Ко мне, я сказал!

Собака подходит.

– Сидеть! Сидеть!!!

Она садится.

Тут из магазина выходит женщина и говорит:

– Мужчина, что вы орете? Это моя собака!

– Вы уверены?

– Конечно! Только не пойму, как вы научили её «сидеть».

Она вообще ни одной команды не знает.

В общем, мой папа...

Как бы это объяснить? Ему когда что-то не нравится, он решает проблему радикально, раз и навсегда.

Например, однажды мне купили нового хомячка, чтобы я не расстраивалась, потому что прошлый у меня умер. Так вот новый хомячок оказался с характером и укусил папу за палец.

Папа долго не думал, открыл форточку и выкинул его в окно. Надо добавить, что жили мы тогда на девятом этаже... Но все равно у хомячка с таким характером – не было шансов выжить в нашем доме.

В общем, думаю, вы поняли мой ужас – домой пришёл папа и не просто пришёл, но увидел нас: маму – разговаривающую с собакой и меня зареванную, с забинтованной рукой.

Что было дальше – не помню. Думаю, что он спокойно послушал мамин рассказ, а потом ушёл в комнату и вернулся уже с ружьем. Я очнулась на папиных словах:

– Пойду в лес. Застрелю её.

Я думала, что у меня от ужаса и горя разорвется сердце. Мой папа, если он что-то сказал – значит он почти это сделал.

За всю свою жизнь я помню только две папиных угрозы, которые он не исполнил.

Первая – он не подстриг меня на лысо, когда узнал, что я курю. Но, может быть, так вышло лишь потому, что он сказал это – когда мне было двенадцать, а узнал, что я курю – когда мне было двадцать два, – видимо просто за десять лет забыл.

И вторая – он не застрелил Берту.

Почему? Не знаю.

Берта, как я уже говорила, была моим самым лучшим другом, она знала все мои тайны, она радовалась и грустила со мной.

В минуты отчаяния она лежала рядом, смотрела, как я плачу, и слегка стучала хвостом по дивану, если я хоть на секунду поднимала на неё взгляд – мол: «Смотри, я здесь, ты не одна, видишь? Я стучу хвостом, я не теряю надежды, что когда-нибудь твоя боль утихнет».

Берта, как и многие собаки, боялась пылесоса. Когда я убиралась, я всегда сначала заглядывала под свою кровать, чтобы вдруг не напугать её, когда дело дойдёт до подкроват-

ной пыли и только потом пылесосила.

Берта больше всего на свете любила бегать, особенно по полю. Она в этот момент была похожа на кенгуру. Резкие смешные вскакивания в полный рост то тут, то там. В моменты выпрыгивания она находила меня взглядом и снова пропадала в высоком поле травы. Такое счастье!

Потом случилась беда. Мы с Костей, как обычно, гуляли с Бертой, уже вышли из парка. Был теплый, кажется, летний день, мы шли и болтали, а Берта то отставала, то догоняла нас.

У неё была странная привычка – иногда она просто садилась на дорогу и отказывалась идти дальше. Мне это не нравилось, ужасно неудобно. Обычно я замечала, что Берта отстала, когда расстояние между нами было метров сто. Костя всегда настаивал: «Сходи за ней, видишь, ей страшно».

Но я предпочитала её звать и делать вид, что ухожу без неё. Чаще всего она меня догоняла, но изредка всё же приходилось возвращаться за ней и брать её на поводок.

В тот день пока мы возвращались из парка, пару раз Берта впадала в ступор, кое-как дошли почти до дома. Но на соседней улице мимо нас резко пронесся мальчик лет десяти, он ехал на скейте, гремел и размахивал руками. И тут случилась катастрофа: Берта набросилась на него, дико, безумно – несколько раз она зверски укусила его за руку.

Я так же дико и безумно заорала на всю улицу – Берта очнулась, но было поздно.

Как это могло случиться? Она ведь почти пришла в себя, она подобрела в последнее время, стала такой ласковой, она давно перестала рычать видя мясо, перестала кусаться... Но это случилось... И этого не изменишь. Я поняла – нам конец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.